

Н.Н. ГОРДЕЙ

ЧЕРЕДОВАНИЯ СОГЛАСНЫХ ФОНЕМ НА СТЫКЕ СУБСТАНТИВНОЙ ОСНОВЫ И ФЛЕКСИИ В БЕЛОРУССКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКАХ

Выявляются и систематизируются факты тождества и отличия в морфонологически маркированной сфере субстантивного словоизменения в белорусском и русском языках; характеризуются нетождественные фонемные альтернации как факты, которые определяются особенностями взаимодействия фонологической и морфологической систем, а также внутриуровневыми особенностями этих систем в русском и белорусском языках.

The facts of coincidence and difference of morphologically marked cases in the sphere of substantive word-building in Belarusian and Russian languages have been singled out and systematized, as well as non-identical phonemic alternations have been characterized as factors, conditioned by particularities of phonological and morphological systems interaction and within the level particularities of these systems in Russian and Belarussian languages.

Чередования согласных фонем, сопутствующие словоизменению имени существительного, выявляют много общих черт в белорусском и русском языках, однако тождественности между ними нет: разными оказываются морфонологические позиции, характер обусловленности, результаты и функции этих чередований. На примере консонантных чередований на стыке субстантивной основы и флексии покажем некоторые отличия на морфонологическом уровне белорусского и русского языков.

Морфонологические позиции. Понятие морфонологической позиции, с помощью которого формулируются правила синтагматики морфем в составе слов, является одним из основных в морфонологии. В рамках операционной модели морфонологического описания (см. Ворт 1973) морфемы - члены морфонологической позиции - рассматриваются как функционально не равноправные: одна из них (субъект позиции) воздействует на другую (объект позиции) и либо вызывает формальные преобразования в этой другой морфеме, либо оставляет ее без изменений. В сфере субстантивного словоизменения в современных белорусском и русском языках субъектом морфонологической позиции оказывается, как правило, флексия. В том случае, если флексия воздействует на основу существительного и вызывает преобразования в ее исходе, реализуется регрессивная морфонологическая позиция. В падежных парадигмах имени существительного в белорусском и русском языках определяются пять регрессивных позиций, в которых морфонологически исходные субстантивные основы подпадают под альтернативные модификации. Это позиции перед следующими флексиями:

1) перед **нулевой** флексией $-\emptyset$ И.(В.) ед. муж. и жен. и Р. мн. муж., ср. и жен., сравн.: **белор.:** Р. ед. *швѣд-а*, *кры/в'/-і* → И. ед. *шве/т/-∅*, *кро/ў/-∅*; И. ед. *дзе/н'/-∅*, *вяльмож-а*, *блю'д-а*, *ва'з-а* → Р. мн. *дзѣн-∅*, *вяльмо/ш/-∅*, *блю/т/-∅*, *ва/с/-∅*, **русс.:** Р. ед. *швѣд-а*, *крѡв'-и* → И. ед. *шве/т/∅*,

кро/ф'/ø; И. ед. вельм^ож-а, блю^д-о, в^аз-а, в^иш/н'/-я Р. мн. вельм^о/ш'/-ø, блю/т'/-ø, ва/с'/-ø, в^ишен-ø;

2) перед флексией **-е₁** (безударной и ударной) П. (Д.) ед. муж. и П. ед. ср., сравн.: белор.: И. ед. шлем-ø, во^ин-ø, ворс-ø, бант-ø, гарох-ø П. ед. (у) шл^е/м'/-е, (аб) во^и/н'/-е, (у) вор/с'/-е, (аб) б^ан/ц'/-е, (у) гаро/с'/-е; И. ед. старш^ын-á П. (Д.) (аб) старш^ы/н'/-é; И. ед. вясл-о, бру^х-а П. ед. (на) вяс/л'/-é, (у) бру/с'/-е; русск.: И. ед. шлем-ø, во^ин-ø, ворс-ø, бант-ø, горóх-ø П. ед. (в) шл^е/м'/-е, (о) вóи/н'/-е, (в) вóр/с'/-е, (о) б^ан/т'/-е, (в) горó/х'/-е; И. ед. старш^ин-á, слуг-á П. (Д.) ед. (о) старш^и/н'/-é, (о) слу/г'/-é, И. ед. весл-ó, бру^х-о П. ед. (на) вес/л'/-é, (в) бру^х/х'/-е;

3) перед флексией **-і** Р. ед. муж. и жен., сравн.: белор.: И. ед. б^ацьк-а Р. ед. б^аць/к'/-і; И. ед. наг-á Р. ед. на/г'/-і; русск.: И. ед. б^атьк-а Р. ед. б^ать/к'/-и; И. ед. ног-á Р. ед. но/г'/-і;

4) перед флексией **-е₂(э)** (безударной и ударной)/ **-і₂(ы)** (безударной) Д.-П. ед. жен. в белорусском языке и перед флексией **-е₂** (безударной и ударной) Д.-П. ед. жен. в русском языке, сравн.: белор.: И. ед. чалм-á, вясн-á, блу^з-а, вад-á, наг-á, шчак-á, пáлк-а Д.-П. ед. (у) чал/м'/-ё, (аб) вяс/н'/-é, (у) блу/з'/-е, (на) ва/дз'/-é, (на) на/з'/-é, (на) шчац-э', (на) пáлц-ы; русск.: И. ед. чалм-á, весн-á, блу^з-а, вод-á, ног-á, щек-á, пáлк-а Д.-П. ед. (в) чал/м'/-é, (о) вес/н'/-é, (в) блу/з'/-е, (на) во/д'/-é, (на) ног'-é, (на) щек'-é, (на) пáлк'-е;

5) перед флексией **-і₃(ы)** И. мн. муж., ср. и жен., сравн.: белор.: И. ед. сусед-ø, кален-а, вух-а, бярлог-а И. мн. сусе/дз'/-і, кале/н'/-і, вуш-ы; бярло/г'/-і; русск.: И. ед. сосе^д-ø, коле^н-о, ух-о, берлог-а И. мн. сосе/д'/-и, коле/н'/-и, уш-и, берло/г'/-и (подробно о чередованиях согласных в белорусском языке см. Гардзей 2005).

Консонантные чередования в данных морфонологических позициях представляют процессы оглушения, непереходной и переходной палатализации и диспалатализации согласных в исходе субстантивных основ. Однако в белорусском языке выявляется еще одна морфонологическая позиция - позиция перед флексией **-йу/** (орфогр. **-ю/у**) Т. ед. жен., в которой альтернации согласных фонем на стыке основы и окончания могут модифицировать как саму основу существительного, так и флексию. В том случае, если субъектом позиции оказывается основа существительного, которая воздействует на флексию **-йу/** и вызывает преобразования в ее начале, реализуется прогрессивная морфонологическая позиция - явление, не представленное в русском языке, но известное системам субстантивного словоизменения в белорусском и украинском языках. В белорусском языке под влиянием именно такой позиции в начале флексии **-йу/** Т. ед. жен. возникают регулярные чередования фонемы **й** с мягкими переднеязычными **л', н', з', с', дз', ц'**, с шипящими **ж, ш, ч**, а также с фонологическим нулем.

Чередование типа **й переднеязычная** в начале флексии **-йу/** Т. ед. жен. возникает тогда, когда флексия присоединяется к основе, заканчивающейся на сочетание **гласная + переднеязычная** (мягкая или твердая **ж, ш, ч**), и является результатом полной ассимиляции фонемы **й** к предыдущей согласной фонеме основы: **ваніль - вані/л'-л'у/ вігонь - віго/н'-н'у/ вязь - вя/з'-з'у/ вась - во/с'-с'у/ чэлядзь - чэля/дз'-дз'у/ ніць - ні/ц'-ц'у/ бездараж - бездара/ж-жу/ мыш - мы/ш-шу/, шчолач - шчола/ч-чу/ но кроў - кроў-йу/, шыр - шыр-йу/; сравн. с русск.: **ваниль - вани/л'-йу/**, **вигонь - виго/н'-йу/ вязь - вя/з'-йу/**, **ось - о/с'-йу/**, **челядь - челя/д'-йу/**, **нить - ни/т'-йу/ рожь - ро/ж'-йу/**, **мышь - мы/ш'-йу/**, **щелочь - щело/ч'-йу/**. В современном белорусском языке данные чередования являются регулярными, морфонологически обусловленными альтернациями: согласная **й** после сочетания гласная + переднеязычная (мягкая или **ж**,**

ш, ч) невозможна именно в определенной морфонологической позиции - на стыке основы и флексии *-йу/*, но внутри морфемы согласная *й* после отмеченного сочетания, хотя нечасто и, как правило, в заимствованных словах, все-таки допускается, например: *каньяк, каньён, атэлье, дасье, пасьянс, Аж'е, мыш'як* (см. Фанетыка 1989, 191-200, 328).

Чередование *й* → *ø* в начале флексии *-йу/* возникает в случае присоединения ее к основе, которая заканчивается на **сочетание согласных фонем**. По материалам исследования такими сочетаниями могут быть только */рц'/ /с'ц'/* и в единичных случаях */ўц'/, /фц'/, /рн'/, /с'л'/*: *борць - бо/рц'øу/* *коць - ко/с'ц'øу/*, *жоўць - жо/ўц'øу/* *фініфць - фіні/фц'øу/* *чэрнь - чэ/рн'øу/* *мысль - мы/с'л'øу/*, сравн. с русск.: *борть - бо/рт'-йу/* *кость - ко/с'т'-йу/* *финифть - фини/фт'-йу/* *чернь - че/рн'-йу/*, *мысль - мы/сл'-йу/*. Чередование *й* → *ø* в начале флексии *-йу/* может быть и морфонологически, и фонологически обусловленным. Так, сочетания */рц'й/ /с'ц'й/* допускаются внутри морфемы, например: *парцьера, флібусцьер*, но невозможны на стыке субстантивной основы и флексии *-йу/*, поэтому в случаях типа Т. ед. *борц-ю, коц-ю* чередование *й* → *ø* в начале флексии *-йу/* оказывается морфонологически обусловленным, сочетания же */ўц'й/ /фц'й/, /рн'й/, /с'л'й/* невозможны в белорусском языке ни на стыке морфем, ни внутри морфемы, поэтому чередование *й* → *ø* в начале флексии *-йу/* в словоформах типа *жоўц-ю, фініфц-ю, чэрн-ю, мысл-ю* стоит рассматривать как фонологически обусловленное*.

Характер обусловленности чередований. Чередования согласных фонем на стыке субстантивной основы и флексии хотя и возникают только в определенных морфонологических позициях, не всегда обусловлены именно этими позициями. Так, в ряде случаев альтернации финальных согласных основы оказываются результатом реакции не столько морфемы на морфему, сколько фонемы на фонему или на паузу. Некоторые чередования согласных в конце основы вообще не выявляют зависимости от позиции - как морфонологической (перед определенной флексией), так и фонологической (перед определенной фонемой флексии или в абсолютном конце слова). Иначе говоря, консонантные чередования в исходе субстантивной основы могут быть морфонологически обусловленными, фонологически обусловленными и позиционно не обусловленными. В процессе сопоставительного исследования формальных преобразований основы имени существительного выявляется, что в белорусском и русском языках в тождественных морфонологических позициях могут возникать нетождественные по характеру обусловленности и в связи с этим нетождественные по результатам консонантные чередования. Покажем это на примере чередований *к* → *ц* (белор.) и *к* → *к'* (русс.) перед ударной флексией -е Д.-П. ед. жен.

* В восточнославянском языкознании представлены три точки зрения на морфонологическую и морфологическую структуру словоформ Т. ед. существительных женского рода с исторической *Т-основой в белорусском языке: 1) любое существительное имеет **только** флексию *-{йу}*, представленную аллофлексиями: а) *-йу/* после основ на *губные* и р: *глыб-йу, шыр-йу*, б) *-Су/* (фонет. *-[л'у], -[н'у], -[з'у], -[с'у], -[дз'у], -[ц'у], -[жу], -[чу], -[шу]*) после основ на сочетание *гласная + переднеязычная*, например: *сол'-л'ю, мыш-шу*, в) *-øу/* (фонет. *-[у]*) после основ на сочетание согласных: *коцц'-у* (см. Аванесов 1978, 82-83; Беларуская граматыка 1985, 24; Гардзей 2005, 124); 2) данные словоформы имеют **два окончания**: а) *-йу/* после основ на *губные* и р: *глыб-йу, шыр-йу*, б) *-у/* во всех остальных случаях: *сол'л'-у, мышш-у, коцц'-у* (см. Беларуская граматыка 1985, 82); 3) словоформы Т. ед. жен. имеют **только** окончание *-йу/*, в том числе: а) после основ на *сочетание согласных*: *коцц'-у*; б) после основ на *сочетание гласная + переднеязычная*: *сол'л'-у, мышш-у*; в) после основ на *губные* и р: *глыб-йу, шыр-йу*, при этом в первом случае основа рассматривается как неизменная, во втором и третьем случаях - как морфонологически модифицированная за счет наращения фонем (см. Славянская морфонология 1987, 237; Попова 2002, 353; Русак 2003, 212-213).

Интерпретация характера обусловленности этих чередований коррелирует с определением фонологического статуса мягких заднеязычных g' , k' , x' . В авторитетных описаниях фонологической системы белорусского языка о фонематичности мягких заднеязычных говорится очень осторожно как о сравнительно новом явлении (см. Крывіцкі, Падлужны 1984, 125), которое «еще только развивается» (см. Беларуская граматыка 1985, 12). В «Русской грамматике»-80 мягким заднеязычным присваивается статус фонем, но при этом отмечается и иная точка зрения на фонологические отношения твердых - мягких заднеязычных, в соответствии с которой g' , k' , x' классифицируются как варианты непарных по твердости - мягкости фонем g , k , x (см. Русская грамматика 1980, 79). Данная точка зрения основывается, в частности, на том, что твердые и мягкие заднеязычные чрезвычайно редко реализуются в одной и той же позиции. В абсолютном большинстве случаев мягкие заднеязычные выявляют себя в позиции перед гласными переднего ряда, в которой их твердые корреляты невозможны или употребляются в единичных случаях. Действительно, сочетание $k + e$, по данным «Словаря белорусского языка»-87, наблюдается только в одной заимствованной корневой морфеме - *кэмпінг*- (*кэмпінг*, *кэмпінгавы*), которая к тому же имеет вариант - *кемпінг*- (*кемпінг*, *кемпінгавы*) (см. Слоўнік беларускай мовы 1987, 355), а по данным «Орфоэпического словаря русского языка», - только в корневой морфеме также заимствованного слова *кеб* [*кэ*] (см. Орфоэпический словарь 1983, 207). Таким образом, именно фонологические системы белорусского и русского языков пока не принимают сочетания твердой заднеязычной фонемы k с гласной переднего ряда e ни на стыке морфем, ни внутри морфемы. Это значит, что как в белорусском, так и в русском языках позиция перед фонемой e требует автоматической замены твердой заднеязычной k на мягкую заднеязычную k' , независимо от того, является или нет фонема e носителем какого-либо грамматического значения, иначе говоря, планом выражения морфемы. Именно такая замена и наблюдается в словоформах типа *ру/к'/-é*, *трес/к'/-é*, *щек/к'/-é* в русском языке. А это значит, что, несмотря на то, что в русском языке альтернатива $k - k'$ возникает перед флексией $-e$ Д.-П. ед. жен., обусловлена эта альтернатива не столько флексией, сколько фонемой $/e/$, перед которой твердая заднеязычная k чрезвычайно редко выявляет способность к реализации. Поскольку чередование $k - k'$ в формах типа (русс.) *рук-á ру/к'/-é*, *треск-á трес/к'/-é*, *щек-á щек/к'/-é* оказывается реакцией последней согласной фонемы основы на, в первую очередь, гласную фонему флексии, его необходимо рассматривать как фонологически обусловленное.

Регулярное чередование согласных фонем k и $ц$ в белорусском языке, точнее, сам факт того, что перед окончанием $-e$ фонема k вступает в чередование с какой-то согласной фонемой, также является фонологически обусловленным, поскольку, как уже было сказано, сочетание твердой заднеязычной фонемы k с гласной переднего ряда e ограничивается правилами фонемной синтагматики. Результат же этого чередования - альтернатива $ц$ - не обусловлен фонологически, потому что перед фонемой e в белорусском языке, как и в русском, возможна и другая согласная, а именно k' - мягкий коррелят фонемы k , например: *кедр*, *келля*, *кесар*. Однако перед флексией $-e$ в исходе субстантивных k -основ существительных женского рода II склонения регулярно возникает альтернатива $ц$, который обусловлен не фонологической позицией - положением фонемы k перед гласной переднего ряда $/e/$, а устойчиво связывается с грамматическими значениями дательного или предложного падежа единственного числа, которые выражает флексия $-e$, потому что в словоформах только с этими значениями и происходит чередование $k - ц$ перед e . А это значит, что

альтернация *к* *ц* в словоформах типа (белор.) *рак-á* → *рац-’э*, *траск-á* → *трасц-’э*, *шчак-á* *шчац-’э* является в белорусском языке реакцией последней согласной фонемы основы не только на фонему /*е*/, а вообще на морфему *-е* в единстве ее выражения и содержания, и по этой причине данную альтернацию необходимо рассматривать как морфонологически обусловленную. Отметим, что такой же характер обусловленности имеют чередования *г* → *з’* и *х* → *с’* в падежных парадигмах существительных I и II типов склонения: *бэраг* → (на) *бэра/з’/-е*, *брух* → (у) *бру/с’/-е*, *чарг-á* → (у) *чар/з’/é*, *страх-á* → (на) *стра/с’/é*. Вообще же альтернации типа твердая заднеязычная → переднеязычная свистящая в исходе субстантивных основ - самая яркая морфонологическая черта словоизменения имени существительного в белорусском языке.

Альтернативные ряды. Система словоизменения имени существительного в белорусском и русском языках маркируется разными по фонемному составу альтернационными рядами. Причем, как правило, именно в белорусском языке реализуются уникальные в сравнении с русским языком консонантные чередования на стыке субстантивной основы и флексии. К числу таких чередований относятся альтернации типа мягкая губная твердая губная перед нулевой флексией И. (В.) ед. существительных женского рода III склонения, например: *глы/б’/-і* → *глы/п’/∅*, *кры/в’/-і* → *кро/ў’/∅*, *вф/ф’/-і* → *вер/ф’/∅*, сравн. с русск.: *глы/б’/-и* - *глы/п’/-∅*, *кро/в’/-и* - *кро/ф’/∅*, *вэр/ф’/-и* - *вер/ф’/-∅*. Интерпретация чередований этого типа требует некоторых предварительных теоретических замечаний, обосновывающих выбор направления чередований. Традиционно в качестве первого члена альтернационного ряда рассматривается та фонема, которая представлена либо в основе мотивирующего слова (при словообразовании), либо в основе морфологически исходной словоформы (при словоизменении). Такой подход к выбору направления чередований при описании альтернационных рядов, хотя и реализуется как в академической грамматике русского языка (см. Русская грамматика 1980, 128), так и в работах по морфологии белорусского языка (см. Русак 2003, 62-63), не является единственно возможным. В случае, если цель морфонологического исследования - выявить не просто дистрибуцию варьируемых элементов морфемы, а определить закономерности преобразования одного сегмента морфемы в другой в определенных условиях, приходится руководствоваться иными критериями, в первую очередь - обусловленности чередования. В соответствии с этим критерием направление должно выбираться таким образом, чтобы полученное чередование было в большей степени обусловлено фонологической или морфонологической позицией, чем чередование с противоположным направлением (см. Толстая 1998, 73-75). Так, при сравнении словоформы И. ед. *глыб* с другими словоформами парадигмы выявляется, что твердая губная в исходе основы чередуется с мягкой губной: Р.-Д.-П. ед. *глы/б’/-і*, Д. мн. *глы/б’/-ям*, Т. мн. *глы/б’/-ямі*, П. мн. (аб) *глы/б’/-ях*. Если выбирается направление твердая губная → мягкая губная, то оказывается, что появление второго, мягкого, альтернанта нельзя соотносить с позицией, потому что в этих же позициях возможна и твердая фонема, сравн.: Р. ед. *глыб-ы*, Д. мн. *глыб-ам*, Т. мн. *глыб-амі*, П. мн. (аб) *глыб-ах*. Если же выбирается направление мягкая губная → твердая губная, то альтернация приобретает фонологическую обусловленность: в современном белорусском языке губные согласные нейтрализуются по признаку твердости-мягкости в позиции конца слова и перед следующей согласной и в таких фонологических условиях возможными оказываются только твердые губные. Падежные парадигмы выявляют историческую мягкость губных в исходе основ существительных типа *глыб*, сравн.: Р.-Д.-П. ед. *глы/б’/-і*, как

зям/л'/-і; Т. мн. глы'/б'/-ямі, как зэм/л'/-ямі; П. мн. (аб) глы'/б'/-ях, как (аб) зэм/л'/-ях, и именно основу с мягкой губной в конце - {в'ерф'}-, {глыб'}-, {кров'}-, {л'убов'}- - необходимо считать морфонологически исходной основой существительных *верф, глыб, кроў, любоў*, а положение перед нулевой флексией рассматривать как морфонологически слабую позицию для этих основ, в которой они всегда представлены в своем твердом варианте. Фонологически обусловленные чередования типа мягкая губная твердая губная не выявляют, как уже было сказано, зависимости от фонологической позиции в обратном направлении. Иначе говоря, чередование твердая губная мягкая губная в исходе основы существительного зависит не от качества инициальной гласной фонемы флексии, а определяется иными факторами, в первую очередь грамматическим значением рода имени существительного, сравн.: И. ед. **жен.** глы/п/-ø Т. мн. глы'/б'/-ямі, П. мн. (аб) глы'/б'/-ях, но И. ед. **муж.** голу/п/-ø Т. мн. галу/б/-амі; П. мн. (аб) галу/б/-ах. Заметим, что в русском языке чередование мягкой губной с твердой, представленное в парадигме единственного существительного *церковь*, является в обоих направлениях позиционно не обусловленной и в связи с этим неустойчивой, сохраняющейся только в силу традиции альтернативой, сравн.: ед. И.-В. *цэркo/в'/-ø*, Р.-Д. *цэрк/в'/-и*, Т. *цэркo/в'/-ю*, мн. И.-В. *цэрк/в'/-и*, Р. *цэрк/в'/-эй* - мн. Д. *цэркв-ám* (и *цэрк/в'/-ám*), Т. *цэркв-áми* (и *цэрк/в'/-ами*), П. о *цэркв-ах* (и о *цэрк/в'/-ах*) (Русская грамматика 1980, 507; Зализняк 1987, 586).

Итак, нетождественность консонантных чередований на стыке субстантивной основы и флексии в белорусском и русском языках является результатом того, что отличаются системные отношения на фонологическом уровне этих языков, правила синтагматики морфем и функциональное распределение альтернативных рядов по системе словоизменения имени существительного.

ЛИТЕРАТУРА

- Аванесов Р.И. О фонологическом статусе долгих согласных в белорусском языке // Вопросы языкознания. 1978. № 1. С. 81-87.
- Беларуская граматыка: У 2 ч. Мн., 1985. Ч. 1.
- В о р т Д . С . Морфонология славянского словообразования // American Contributions to the VII International Congress of Slavists. V. I. Linguistics and Poetics. The Hague, 1973. P. 377-391.
- Гардзей Н.М. Чаргаванні зычных фанем у зыходзе субстантыўнай асновы перад флексіямі -ø, -e(э), -(і)ы, -ю // Вестні НАН Беларусі. Сер. гуманітарных навук. 2005. № 2. С. 118-125.
- Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. М., 1987.
- Крывіцкі А.А., Падлужны А.І. Фанетыка беларускай мовы. Мн., 1984.
- Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / Под ред. Р.И. Аванесова. М., 1983.
- Попов а Т.В. О морфонологической структуре словоформ Тв. ед. существительных женского рода старых * -основ в некоторых современных литературных славянских языках // Аванесовский сборник: К 100-летию со дня рождения члена-корреспондента АН СССР Р.И. Аванесова. М., 2002. С. 349-354.
- Русак В. П. Марфаналогія сучаснай беларускай мовы. Мн., 2003.
- Русская грамматика: В 2 т. М., 1980. Т. 1.
- Славянская морфонология. Субстантивное словоизменение / Отв. ред. Т.В. Попова. М., 1987.
- Слоўнік беларускай мовы: Арфаграфія. Арфаэпія. Акцэнтацыя. Словазмяненне / Пад рэд. акадэміка АН БССР М.В. Бірылы. Мн., 1987.
- Толстая С.М. Морфонология в структуре славянских языков. М., 1998.
- Фанетыка беларускай літаратурнай мовы / Рэд. А.І. Падлужны. Мн., 1989.

Поступила в редакцию 17.10.05.

Наталья Николаевна Гордей - кандидат филологических наук, доцент кафедры белорусского языка Гродненского государственного университета им. Янки Купалы.